

Каждый раз, возвращаясь в деревню Сикань, Ли Кай обязательно заглядывал в гости к соседям. Нужно было поддерживать связь, знать, чем дышат люди. Сам-то он выбился в свет, но оставался местным, да и отцу, Ли Сы, предстояло жить здесь дальше. Каким бы видным человеком ты ни стал на чужбине, отрывать от односельчан не стоило.

Глаза старой тетушки совсем помутнели, лицо покрыла глубокая сетка морщин. Ноги ее почти не держали, так что она целыми днями сидела на кане, на ощупь подшивая подошвы. Волосы у нее всегда были аккуратно причесаны, а старенькая одежда пахла чистотой — никакой старческой затхлости или неряшливости. Сразу видно: сыновья и снохи попались почтительные, ухаживали на совесть. О том, какво живетса немощному старику, всегда можно судить по его лицу и тому, как он разговаривает.

Она ласково погладила Ли Кая по голове, совсем как в детстве:

— Хороший ты парень, совестливый. И с матерью своей правильно поступил. Не будь у тебя возможности помочь — никто бы слова дурного не сказал. Но коли можешь протянуть руку — тяни, делай дело. И не ради чужой похвалы, а чтобы самому спать спокойно.

Ли Кай лишь улыбнулся и перевел разговор на другое:

— Тетушка, неужто вы до сих пор обувь шьете? Крепкое у вас здоровье, дай бог каждому.

Старушка добродушно рассмеялась:

— Какое там здоровье! На подошвы сил еще хватает — стежки крупные кладу, лишь бы держалось крепко, а вот тонкую работу, вроде шитья рубах, глаза уже не видят. Да и молодежь нынче привередливая пошла, наряжаться любит, не то что в наше время. Всем снохи заправляют, я уже не при делах. Вот, гляди, что на мне надето — и шить не пришлось, Иньтоу из города привез. Мягкая одежка, теплая. Иньтоу у меня славный малый. Все вы, ребятки, хорошие выросли. Слушай, Гоудань, ты присмотри за ним там, в городе. Ты ему как-никак дядей приходишь. Станет баловать — взгрей его как следует, сразу шелковым станет.

Иньтоу, возившийся неподалеку, шутливо взвыл:

— Бабушка! Ну вы даете, опять за дядю Гоуданя вступаетесь! Еще и поколотить меня велите... Я же ваш родной внук!

— Молчи уж! Были бы ноги целы, я бы сама тебя хворостинкой перетянула. Едва успел пару грошей заработать, а уже барином заделался! Ты погляди на него — вернулся в деревню и только и делает, что важничает!

Иньтоу притих. Старушка снова повернулась к Ли Каю:

— К бабке-то своей заходил? На свадьбе Эргоуцзы, младшего сына твоего пятого дяди, она как-то умудрилась упасть. Теперь в такую холодину валяется на кане да костерит всех на чем свет стоит. Сыновей у нее полно, снох да внуков тоже, а ухаживать, почитай, некому. Сама виновата: язык у нее злой, к старости совсем распустился. Старикам ведь что нужно? Помалкивай себе, ешь что дают да носи что принесли. А если без умолку лаяться, люди озлобятся, и сама же наплачешься.

По мнению старой тетушки, Старая госпожа Ли просто не умела ценить свое счастье. Был у нее когда-то Ли Сы — послушный, покорный сын, так она его и за человека не считала. А ведь в народе правильно говорят: простоватый сын — самый надежный, он и старость твою упокоит. И что теперь? Ли Сы отделился, живет своим домом. Оставшиеся сыновья хоть и не злодеи, но заботятся о матери спустя рукава: в глаза поддакивают, а за спиной делают по-своему. Хлебнула она с ними горя.

А ветвь Ли Сы, которую выставили за порог, поднялась выше всех. Гоудань теперь такой видный человек стал. Будь бабка поумнее, не делила бы она детей на любимчиков, вела бы себя ровно да не пакостила — купалась бы сейчас в роскоши. Да только ума бог не дал. Жаль старуху.

Наслушавшись старческих поучений, Ли Кай забрал половину утки и увлек за собой Ван Сюаня, который как раз закончил помогать ощипывать птицу. Утка у старой тетушки росла целый год — мясо нагуляла плотное. Из такой птицы тушеное жаркое в сухом котелке выходит самым наваристым.

— Вечером забабахаем утку в котелке, — предложил Ли Кай. — Возиться с кучей мелких блюд неохота, лучше приготовить все вместе. Так и сытнее, и наваристее.

Ближе к вечеру на улице поднялся крик. Деревенские гурьбой повалили к соседскому дому, где жили Чэни. Они обосновались здесь всего два года назад, выхлопотав участок под застройку. Зимой крестьянам заняться особо нечем, вот и коротают дни за перемыванием косточек да дворовыми разборками.

Оказалось, сосед избивал благоверную. И было за что: поймал на горячем. Деревня хоть и невелика, но тайных страстей и грешков тут хватало. Обычно шашни крутили по-тихому, за закрытыми дверями. Соседи шушукались по углам, но при встрече вежливо улыгались — дураков лезть на рожон и портить отношения не находилось. А вот поглазеть на чужой позор со стороны — милое дело.

В детстве, когда кругом еще шумели глухие заросли, Ли Кай обожал носиться по округе. Заберется, бывало, на дерево и спит там часами. Случалось ему наткаться в кустах и на влюбленные парочки, искавшие уединения. Маленький был, глупый, ничего не понимал. Теперь-то дело другое.

Эту неверную женушку давно подозревала одна из местных кумушек. Выслеживала ее долго и наконец прижала к ногтю прямо в старом амбаре. И ведь нашли же место в такой собачий холод! А любовником ее оказался не кто иной, как новый деревенский староста Ли Синьдан. Мужик он был из их рода Ли, языкастый, хитрый, да только до прежнего старосты ему было как до луны. Одно слово — бабник, только и знал, что заигрывать с молодыми девками да чужими женами.

Деревня — клочок земли, многие бабы отсюда за всю жизнь носа не выказывали. Для них любой мелкий чинуша казался великим человеком, грозным начальником. Кругозор узкий, откуда им знать другую жизнь? Вот и падки на местную власть.

Староста при должности всегда мог урвать кусок пожирнее, грамоту знал. Работы в деревне зимой нет, денег взять неоткуда, вот некоторые ушлые бабенки и приноровились зарабатывать лаской. За одно свидание можно получить пару-тройку юаней — для семьи подспорье весомое.

— Интересно, усидит теперь Ли Синьдан в своем кресле?

Ли Кай и Ван Сюань тихонько поднялись на крышу своего дома и, спрятавшись под навесом, принялись наблюдать за суматохой. Зимой скука смертная, так почему бы не развлечься чужой драмой?

— Хм, лишь бы дело до войны между кланами не дошло, — хмыкнул Ван Сюань.

В деревнях такое случалось сплошь и рядом. Из-за земли, из-за воды или вот из-за бабы мужики хватались за вилы. Сначала дрались двое, потом вступались заступники, и пошло-поехало: стенка на стенку, род на род. Калечили друг друга, а то и убивали, порождая кровную вражду на поколения. В глухих краях, где сильны родовые узы, этот дикий закон до сих пор правил бал.

— Для таких потаскух завидный холостяк вроде вашего отца — лакомый кусочек, — заметил Ван Сюань. — Хорошо, что он человек кремниевой закалки, честный и строгий. Я тут краем уха слышал, что на него чуть ли не охоту устроили. Свахи так и вьются вокруг. У него теперь водятся шальные деньги, даже если он самую малость отсыплет — бабе на безбедную жизнь хватит.

Оба они давно выросли из детских штанишек. С подростковых лет мотались по стране, повидали всякого и прекрасно понимали, как устроены отношения между мужчинами и женщинами. К тому же в столице им порой приходилось возвращаться в компании богатеньких сынков. Сами они в сомнительные дела не впутывались, но бывали в таких злочных местах, где за внешним блеском скрывалась обыкновенная торговля телом. А уж в южных краях, у самой границы, женщины и вовсе открыто этим промышляли.

По сравнению с этим деревенские страсти казались детской забавой.

— Думаешь, Чэнь Цян разведется? — спросил Ван Сюань.

— Не разведется. Смотри, уже бегут разнимать. Если бы никто не вмешался, Чэнь Цян забил бы бабу до смерти. Тихони ведь страшны в гневе — слов не тратят, сразу за топор хватаются.

Встревать в чужую семейную грязную драку им, молодым парням, не пристало. Для этого есть старейшины и родня Чэней — пускай сами разбираются.

— На бабу замахнулся, а на старосту кишка тонка? Трус несчастный, — процедил Ван Сюань.

Через пару дней зажиточные дворы принялись колоть свиней да резать баранов к Новому году. В доме Ли Кая тоже забили кабанчика весом под центнер. Ли Сы все лето сам косил ему траву, запаривал отруби да жмых. Свинья выросла не то чтобы огромной, зато мясо получилось плотным, без лишнего сала. За девять месяцев она выжала свой предел, кормить дальше не имело смысла.

Решили не тянуть. Ли Кай не хотел марать руки, поэтому нанял забойщика. За работу расплатились по-деревенски: отдали ливер, пару фунтов жирного сала да свиной хвост на навар.

Разнесли гостинцы тем, кому полагалось по обычаю, а оставшуюся тушу Ли Сы пустил на засолку. Нарезал мясо длинными полосами, проткнул бамбуковыми щепками и развесил под навесом на крыше нового дома — там гулял сквозняк, сырости не было, дождь не заливал. Когда мясо обветрилось, его перенесли в старую хижину для копчения. Разожгли там очаг, и пускай себе коптится хоть круглые сутки — в старом доме все равно никто не жил, дымом дышать некому.

В канун праздника, тридцатого числа последнего месяца, мужчины приготовили щедрый стол. После полудня Ли Сы согрел огромный чан воды. Все трое хорошенько вымылись, переоделись во все новое, чистое — праздничное настроение так и витало в воздухе. Ли Кай достал припасенные петарды и зажег их у ворот. Двор наполнился треском и веселым шумом. Пусть в семье были только трое мужчин, одиночества никто не чувствовал.

На Ли Сы красовался добротный теплый костюм, купленный сыном и Ван Сюанем. Старик отродясь так не шикавал: старую-то обнову еще не сносил, а ему уже новую несут! Ли Кай строго-настрого запретил отцу донашивать старые лохмотья.

Огромную миску с костями и обрезками потрохов разделили между собаками — Дагуай, Сюагуай и их выводком. Праздник все-таки! Псы честно стерегли дом весь год, заслужили лакомство. Ли Кай и Ван Сюань собак баловали, благо средства позволяли, но когда парни уезжали на учебу, животные возвращались под суровую руку Ли Сы, у которого особо не разгуляешься.

Стоило ребятам приехать — псы мигом округлялись, лоснились от жира. А как уезжали обратно в университет — снова поджарыми становились. Ли Сы не был скрягой, просто привык экономить на всем: сам питался скромно, а псам хозяйские щи да каша за счастье были. Лишь бы с голоду не пухли.

Но сегодня, в новогоднюю ночь, пировали все без исключения. Дагуай и Сяогуай, старожилы дома, наевшись до отвала, улеглись на крыльце. Лежали себе спокойно, лениво лоя взглядом падающие снежинки и прислушиваясь к звукам за забором. Новый кирпичный забор стоял крепко — ворота заперты, мышь не проскочит. К тому времени как псы начали дремать, хозяева все еще сидели за столом. Они устроили хого. На углях побулькивал наваристый бульон, в который то и дело опускали тонкие ломтики мяса. Угли Ли Кай выбрал отличные, бездымные: стоило жару чуть спасть, подбрасывали горсть — и котелок снова закипал. Кушай — не хочу.

Едва у собак улеглось в пузе, как аромат вареного мяса снова приманил их к столу. Псы принялись кружить под ногами, подбирая падающие хрящики. Глядя на их просящие, полные надежды морды, Ли Кай растрогался и бросил каждому по сочному куску мяса. Собаки мигом проглотили угощение, облизнулись и снова уставились на него преданными глазами, выпрашивая еще. Но больше им ничего не досталось.

Ли Сы не знал, как празднуют другие, но для него этот Новый год стал лучшим в жизни. Теперь этот день ассоциировался у него не с унынием, а с радостным ожиданием встречи с сыном и богатым застольем. Прошли те времена, когда приходилось трястись за каждую крошку, засыпая со страхом умереть с голоду.

Жизнь наладилась, и на душе стало спокойно.

К ночи кан протопили так, что он так и пыхал жаром. На новеньких пышных матрасах под мягким одеялом спалось сладко и безмятежно.

Умывшись, Ли Кай вернулся в комнату и застал Ван Сюаня у кана. Тот полулежал, уткнувшись в книгу с самым независимым видом.

Ли Кай усмехнулся про себя.

"Притворяйся, притворяйся дальше..." — подумал он.

За все это время парень не перевернул ни одной страницы. Сегодня уйти от разговора не удастся. Ли Кай медленно принялся снимать верхнюю одежду. С каждым его движением ресницы Ван Сюаня мелко подрагивали, выдавая его крайнее волнение.